

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

W. Böttger. *Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen. Nach der alten chinesischen Literatur und einigen paläographischen Schriftzeichen* «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Heft 10, Berlin, Akademie-Verlag, 1960, 88 стр. с илл.

Книга Вальтера Бётгера «Древние способы охоты в Китае» интересна прежде всего тем, что автор разрабатывает в ней малоисследованную тему. Книга состоит из шести глав с иллюстрациями и библиографией.

В предисловии автор отмечает, что в Китае нет достаточного археологического материала для изучения охоты в эпохи Шан (XV—XI вв. до н. э.) и Чжоу (X—III вв. до н. э.). Он использует надписи на гадательных костях и письменные источники. Древние формы иероглифов В. Бётгер сравнивает со старинными китайскими рисунками, а также с охотничьим оружием и охотничьими рисунками современных отсталых народов.

В книге описываются способы охоты периодов Шан и большей части Чжоу — до начала Чжаньго (V в. до н. э.). Период Шан объединен с периодом Чжоу в одну археологическую эпоху — бронзовую. В. Бётгер указывает ряд оснований для такого объединения: способы охоты бронзового века не отличаются от неолитических, коренные изменения в них происходят лишь в железном веке.

На протяжении бронзового века, как и в период неолита, охота была необходимой отраслью хозяйства. Только в конце периода Чжоу охота теряет свое важное хозяйственное значение и, как считает автор, становится преимущественно развлечением или спортом.

Объединение периодов Шан и Чжоу не вызывает возражений. Удивляет лишь, что автор начинает исследование с охоты в эпоху бронзы, а не с более раннего времени, тем более, что сам он говорит о неразрывной связи охоты неолита и бронзового века. Первобытной охоте посвящена одна из последних глав. Логичнее было бы поместить ее в начале книги.

В первой главе показано важное хозяйственное значение охоты в Китае в эпоху бронзы. Некоторые старые формы иероглифов, обозначающих следы животных и птиц, и данные канонической литературы («Чжоу ли», «И цзин», «Ли цзи» и т. д.) подтверждают, что охота в хозяйстве эпохи бронзы, как и неолита, служила существенным дополнением к земледелию.

Вторая глава содержит общие замечания о способах охоты. Небольшое введение к этой главе, где излагаются общеизвестные истины, могло бы быть опущено.

Об охотничьем оружии и снаряжении бронзового века; по словам автора, известно очень мало. В «Шицзине» и «Ли цзи» большей частью говорится о применении лука

и стрел. Упоминается деревянный лук «ху» и сложный лук «уэю гун» 角弓 с ро-

вой накладкой. Последний характерен для северных народов, знали его и древние скифы. Известен также арбалет «ну». Стрелы часто оперялись. Применялись стрелы, отравленные растительными и животными ядами. В. Бётгер указывает, что в Китае до сих пор еще не найдено пещерных рисунков, которым приписывается обычно магическое значение. Но в китайской литературе есть сведения, подтверждающие существование магических охотничьих обрядов.

Обряды эти, для обозначения которых существовали специальные иероглифы, производились жрецами и шаманами.

В третьей, самой большой главе автор пишет о древних китайских способах охоты. Прежде всего он исследует выражения, существовавшие в китайском языке для понятий «охотиться» и «охота». Он приводит ряд иероглифов из «Гу Чжоу пянь», «Шоу-вэнь», «Цы юань», «Инь сюй вэнь цзы лэй бянь», употреблявшихся в этом значении, и приходит к выводу, что все они указывают на травлю или охоту загонном. Другие способы охоты по иероглифам не удается установить. В Китае охота велась по сезонам. В «Эр я» приводятся иероглифы, обозначающие: весеннюю («чунь соу»), летнюю («ся мао»), осеннюю («цю сянь») и зимнюю («дун шоу») охоту. Во время весенней и летней охоты не разрешалось убивать детенышей и собирать птичьи яйца. Судя по иероглифам, в осенние и зимние сезоны охотились с собаками.

Известно, что в Китае было много различных пород охотничьих собак и они высоко ценились.

Автор считает, что люди применяли огонь на охоте еще во времена палеолита. Существовало два способа применения огня: либо поджигали траву и кустарник, чтобы вспугнуть животных, либо выкуривали животных из нор. Специальные «лесники»

(шань-юй — 山虞) и «надсмотрщики болотистых местностей» (цзэ-юй — 澤虞

огнем очищали охотничьи угодья от трав и кустарников еще до начала охоты. О способе выкуривания животных встречаются сообщения в «Шицзине».

По сообщению автора, в китайской литературе чаще всего упоминается императорская охота загоном на колесницах. Охотничья деревянная колесница описывается в «Чжоу ли» и «Шицзинне». Жаль, что автор упоминает только письменные источники, не привлекая обширный археологический материал, накопившийся за последние годы¹. Далее автор по указаниям, рассеянным в «Чжоу ли», «Шицзинне» и «Ли цзи», воспроизводит картину императорской охоты. Этот раздел, по нашему мнению, больше всего удался автору.

В. Бётгер считает, что наиболее древним видом ловушки для зверей была волчья яма. Кроме того, в Китае существовали и другие виды ловушек, которые автор описывает очень подробно. Подтверждением того, что волчья яма известна в Китае очень давно, служит ряд иероглифов на гадательных костях и в письменных источниках. Форма этих иероглифов отчетливо указывает на охоту с волчьей ямой. Так, иероглиф «ле» («охотиться») в своей старой форме обозначал охоту с помощью волчьей ямы. Иероглиф «лу» («течь») на гадательных костях имеет значение «яма». И, наконец, иероглиф «сянь» с современным значением «яма», «дыра» раньше тоже был связан с охотой и в своей старой форме ясно показывает животное, попавшее в западню. Изображение животного похоже на древнее написание иероглифа «ху» («тигр»). Возможно, что тигров, как и остальных хищников, ловили западней.

Свидетельством того, что в Китае на охоте часто применяли сети, служат, как указывает автор, многочисленные иероглифы со значением «сеть». С сетями охотились не только на птиц и мелких животных, но и на крупных млекопитающих. Очевидно, что охота с сетью восходит к неолиту. В приложении к «И цзину» мифического императора Фу-си называют не только основателем скотоводства, но и изобретателем сетей для охоты и рыбной ловли. При императорских охотах специальные люди «шоу жэнь» окружали сетями охотничьи угодья, а потом загоняли в них дичь. Наряду с общими обозначениями для охотничьих и рыбачьих сетей, существовали обозначения для сетей, применявшихся для ловли определенных видов животных.

В современном написании иероглифы уже утратили свое первоначальное значение. Иероглиф «ма», имеющий современное значение «лошадь», в старых формах изображал фигуру животного под сетью. Животное не похоже на лошадь, оно скорее напоминает слона. Далее автор говорит, что лошади упоминаются в качестве добычи лишь на гадательных костях, но о способах охоты на них указаний в литературе нет.

Древняя форма иероглифа «би» — «бурый медведь» ясно показывает сет без изображения животного. В. Бётгер считает, что в китайской палеографии нет сходного с натурой изображения медведя. По мнению автора, это объясняется тем, что медведь в первобытном обществе, а может быть и в более поздние времена, занимал по отношению к человеку особенное положение. В связи с этим не разрешалось изображать медведя схожим с натурой. Нам кажется, что здесь автор неправ. Мы не знаем случаев существования табу на изображение животных (в частности медведя) у других народов. Есть табу на название медведя: его называют «хозяин», «зверь» и т. д. Но на изображение медведя запрета нет. У нивхов, например, есть изображение священного медведя. Если бы нельзя было изображать в Китае всего медведя, как предполагает автор, то не изображали бы и часть его. Изобразить часть — это значит изобразить и целое. Изображение же медведя очень часто встречается в шанском искусстве². В. Бётгер пишет далее, что «медведи в Китае в исторические времена встречались уже так редко, что медвежьих охот почти не было и способы охоты с течением времени были утеряны» (стр. 73). Здесь автор снова неправ. Письменные источники свидетельствуют, что еще в период Чжаньго знать употребляла в пищу медвежатину, а медвежья лапа была деликатесом³.

В Китае на охоте и при ловле животных, как пишет автор, применялись приманки. Иногда отравленные. В «Ли цзи» есть указания на существование маскировочных охотничьих костюмов.

По надписям на шанских гадательных костях автор приводит данные о количестве убитой на охоте дичи. Так, во время одной из охот было убито 8 тигров, 88 оленей, 1 лошадь и некоторое количество кабанов. На другой охоте было убито 262 оленя, 113 кабанов и 10 зайцев. Эти цифры показывают не только то, что Китай того времени был очень богат дичью, но свидетельствуют и о том, что деятельность охотников при Чжоу и при Шан протекала весьма успешно» (стр. 76).

В главе о первобытной охоте в Китае В. Бётгер говорит, что археологический материал позволяет делать только предположения о существовавших способах охоты. Далее он пишет, что синантропы охотились коллективно, что орудия охоты у них были из дерева и камня и охотились они на оленей, лошадей, носорогов, слонов и различных хищных животных. Люди ордоской культуры тоже были собирателями и охотниками. В неолите охота, наряду с земледелием, продолжает играть в Китае существенную роль. Об этом свидетельствуют каменные и костяные наконечники стрел времен культуры Яншао и Луншань.

¹ См. устройство и описание древней китайской колесницы в раб.: Chêng Tê-k' u n, Archeology in China, т. II, Shang China, Cambridge, 1960, стр. 208—210; W. Watson, China, London, 1961, стр. 135—139.

² Chêng Tê-k' u n, Указ. раб., стр. 108 и 235.

³ Мэн-цзы, гл. Гао-цзы, ч. I, Изд. Сыбу бэй яо, Шанхай, 1906, стр. 162.

В качестве дополнения автор приводит краткие сведения об охоте у народов, соседних с Китаем. Там говорится об охоте в Японии, у айнов, в Сибири, в Корее, Тибете. К сожалению, автор, приводя сведения о способах охоты этих народов, ничего не говорит о древних монголах и тунгусах, бывших в непосредственном контакте с китайцами в те времена.

В приложенной к книге библиографии приведены книги на китайском, немецком, английском языках. Недостаточно полно использована японская литература, в частности, о надписях на иньских гадательных костях⁴. Не использованы также труды советских ученых, посвященные первобытной охоте (А. П. Окладников, Н. Н. Гурина, А. А. Полов и др.). Серьезным недочетом книги является и то, что, как явствует из библиографии, автор приводит цитаты не по оригинальным текстам, а, в основном, по переводам (Ф. Куврер и И. Легге).

Рецензируемая книга В. Бётгера, несмотря на указанные недостатки, представляет значительный интерес для специалистов. Она освещает слабо разработанную тему о древних способах охоты в Китае.

Т. Шафрановская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

М. А. Jones, *American Immigration*. Chicago, 1960.

Книга М. А. Джонса, английского ученого, лектора Манчестерского университета, является обзором и своего рода итогом работ по проблемам иммиграции в США, опубликованных за последние десятилетия. Она опирается на труды виднейших исследователей американской иммиграции — Хансена, Хэндлина, Хайема, Виттке и др. и представляет собой новейшую и первую за два десятка лет обобщающую книгу по этому вопросу. Иммигрантская тема привлекает к себе большое внимание историков и социологов. Без ее исследования нельзя серьезно изучать историю ряда стран, в особенности США. Это, по-видимому, и привело к включению рецензируемой книги в серию «Чикагская история американской цивилизации», издаваемую Чикагским университетом. Население США столетиями складывалось из переселенцев с других материков и их потомков. Таким образом, вопрос об иммиграции составляет, собственно говоря, вопрос об этногенезе американской нации. Процесс ее этнического формирования завершился в основном лишь три-четыре десятилетия назад и может быть изучен по современным историческим источникам.

Джонс рассматривает американскую культуру как результат смешения национальных культур иммигрантов, причем подчеркивает, что ни одна другая страна не была заселена таким количеством разнообразных этнических групп.

Изложение строится по хронологическому принципу. Первые две главы охватывают колониальный период и войну за независимость. В них, как и на протяжении всей книги, автор подчеркивает разнообразие мотивов — экономических, религиозных и других, которые заставляли переселенцев покидать родину, и хотя он выделяет при этом экономические стимулы, буржуазный эклектизм мешает ему увидеть за многообразием субъективных побуждений объективные исторические закономерности. Значительная часть иммигрантов этого периода переселялась в Америку по принуждению. Это относится не только к неграм, но и к белым временным рабам (*indentured servants*), которые в XVII в. находились в почти одинаковом с неграми положении. Из белых, помимо англичан, в американских колониях селились шотландцы, ирландцы, немцы, французы-гугеноты и др. Их расселение определило этнический состав отдельных районов: наиболее пестрым он был в среднеатлантических колониях; характерной особенностью южных колоний было негритянское население, в северных колониях преобладали англичане. Смешанные браки, по мнению автора, были, вопреки укоренившемуся представлению, редки, так как иммигранты селились обособленными этническими группами, но в городах смешение и ассимиляция происходили быстрее. Война за независимость сплотила воедино не только отдельные колонии, но и отдельные национальные группы.

В III главе «Новая нация и ее иммигранты» рассматривается период от окончания первой американской революции до 1815 г. Автор рассматривает экономическое и политическое положение в странах эмиграции. В этот период были приняты первые антииммигрантские законы (реакционные «законы против иностранцев и подрывной деятельности»), оставившие по себе недобрую память в американском народе. Автор указывает, что гонители иммигрантов уже тогда выдвигали против них те же обвинения, что много десятилетий спустя.

Последующие три главы посвящены периоду 1815—1860 гг., который автор определяет как пору массовой иммиграции. Такая периодизация вызывает сомнения. Из этого 45-летнего промежутка органически выделяется период между европейскими ре-

⁴ М. В. Крюков, Новые публикации иньских надписей из японских собраний, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5, стр. 129—136.